

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЗОЛотова Г.А.

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ
НАД «СИНТАКСИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА»

В Институте русского языка АН СССР подготовлен к печати «Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)», о работе над которым журнал «Вопросы языкознания» уже информировал читателей (ВЯ, 1980, № 4).

Помимо практического, справочного назначения для широкого круга читателей — и филологов, и изучающих русский язык, — Словарь послужит источником обработанного материала для дальнейших лингвистических изысканий. Не меньшее значение выполненной работы в том, что, подвергнув функционально-семантическому анализу строй русского синтаксиса, Словарь подготавливает решение ряда дискуссионных проблем синтаксической теории. О них и пойдет речь в настоящей статье.

В «Синтаксическом словаре» реализована идея взаимодействия лексики и грамматики, связанная с именами В. В. Виноградова и других наиболее глубоких и дальновидных лингвистов. Эта идея стала особенно актуальной в наше время, когда синтаксисты обратились к семантике. На теперешнем этапе зависимость правил построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик их компонентов стала очевидностью, уже не требующей доказательств, но требующей систематизации материала.

Для осмысления синтаксического механизма языка необходим ответ на вопрос о том, в каких единицах, на каком уровне системы это взаимодействие осуществляется. Возникла задача Словаря — представить синтаксические ресурсы русского языка научно систематизированными в словарных параметрах. Словаря подобного типа не было в лексикографической практике.

Осуществление этой задачи предлагаемым путем стало возможным на основе решения принципиального вопроса синтаксической теории — выявления конститутивной единицы синтаксиса. В качестве такой единицы выдвинуто понятие *синтаксем*. Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных построений, характеризуемая определенным набором синтаксических потенций.

Напомним основные предпосылки описания синтаксем как конститутивных единиц русского синтаксиса. За различительные признаки синтаксем *принимаются* 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована, 2) соответствующая морфологическая форма и 3) вытекающая из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях. Некоторое множество позиций в различных синтаксических конструкциях обобщено в трех разграничиваемых и противопоставляемых возможностях, или функциях:

I — самостоятельное, изолированное употребление конститутивной единицы;

II — употребление единицы в качестве организующего компонента предложения (преддицируемого, преддицирующего или распространителя);

III — присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания (приглагольное, приименное, приаждективное, приадвербиальное).

В этом делении воплощается понимание синтаксической функции как конструктивной роли синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы.

Набор позиционных возможностей служит основанием для разграничения трех функциональных типов синтаксем: свободных (в Словаре помещаются под буквой А), обусловленных (Б) и связанных (В). Свободные синтаксемы способны выступать в функциях I, II и III; обусловленные — в функциях II, III, реже в I; связанные — только в III функции. Таким образом, диапазон синтаксических потенций каждой синтаксемы определяется ее функциональными свойствами, принадлежностью к одному из трех функциональных типов.

Функциональный анализ единиц определяет и структуру словарной статьи. «На входе» материал классифицируется по морфологическим показателям (для имен — падеж и предлог, по порядку падежей и по алфавиту предлогов), затем пропускается сквозь классификационный фильтр синтаксических функций, распределяясь по функциональным типам (рубрики А, Б, В) и «на выходе» показывает набор функций и позиций для каждой формы в каждом из ее структурно-семантических значений.

Поскольку термин «синтаксема» употребляется и применительно к типу, и применительно к манифестирующей его конкретной словоформе, естественно, что как словарная единица синтаксема представлена рядом лексических «делегатов», одного категориально-семантического подкласса, в примерах и иллюстрациях. В случаях, когда синтаксема образуется от слов лексически замкнутого круга, Словарь стремится перечислить их с возможной полнотой. Понятно, что структурно-семантические значения, выявленные у каждой синтаксемы, абстрагированы от множества конкретных употреблений словоформ данного подкласса, регулярно занимающих соответствующую позицию в соответствующей конструкции в текстах, представляющих различные виды общественно-речевой практики.

Таким образом, выявление минимальных конститутивных единиц синтаксиса и их соотносительных функционально-позиционных характеристик позволило сделать синтаксему порядковой единицей словарного представления строительных средств русского синтаксиса.

В результате, подтвердив эффективность понятия синтаксемы, сформулированного и теоретически заявленного в работах автора 1969, 1973, 1982 г., Синтаксический словарь впервые в практике грамматического осмысления и описания языков представляет синтаксическое устройство русского языка в виде систематизированного перечня синтаксем с характеристиками и иллюстрациями их синтаксических свойств, в составе всех моделей словосочетаний и предложений, в которых каждая из синтаксем способна функционировать.

Возникает вопрос о правомерности именовании работы Словарем, о характере жанра этого исследования. Сама постановка задачи сталкивается с устойчивым представлением о противопоставленности двух (и только двух) способов описания языка. Согласно этому представлению, словарный состав языка получает отражение в словарях, формы слов и синтаксические конструкции описываются в грамматиках. И накопившийся практический опыт лингвистических описаний и все большее проникновение языковедов в сущность взаимодействия лексики и грамматики делают это разделение в большой степени условным. Грамматические пометы о формах слов и их синтаксическом окружении сопровождают слова, толкуемые или переводимые в словарях. С другой стороны, грамматические описания, чтобы быть адекватными объекту, все более стремятся использовать в построении синтаксиса лексико-семантические показатели.

Как всякий словарь, книга содержит в виде «словарных статей» снабженный объяснениями и примерами перечень единиц, расположенных по определенным принципам, выработанным лексикографической практикой

(алфавитный порядок предлогов, глаголов, указатели, ориентирующие читателя). Но цель Словаря — показать синтаксическое устройство языка.

Можно сказать, что создан новый жанр грамматического словаря. Можно сказать иначе, что создан новый тип грамматического описания, представления синтаксического строя русского языка в словарных параметрах. Не исключен вопрос: нужна ли какая-то иная, новая система описания синтаксического механизма, кроме той, которая освящена традицией?

С точки зрения общегносеологических оценок всякий поиск — благо, всякий новый опыт, пусть и небесспорный, интересен. Научная ценность полученного знания измеряется тем, может ли оно служить производству, получению нового знания, служить орудием познания в руках исследователя. В этом смысле существенно то, что система информации, разработанная в Синтаксическом словаре, способствует прояснению важных вопросов, обсуждаемых, но не решенных современной грамматической наукой.

Среди результатов, полученных путем словарного описания синтаксического строя, можно отметить следующие:

1. Установление релевантного для синтаксиса уровня абстракции от конкретного, с учетом взаимодействия трех составляющих синтаксемы — категориально-семантического, морфологического и функционально-синтаксического ее признаков — дало основание увидеть на этом уровне то взаимодействие формы и содержания, которое позволяет синтаксеме функционировать как единице формы и значения.

Язык осуществляет возможность выразить содержание мысли средствами синтаксиса путем предикативного сопряжения синтаксем, т. е. элементов, являющихся одновременно конструктивными и смысловыми. Этот результат вносит коррективы в распространенные представления о соотношении синтаксиса и семантики как двух будто бы независимых друг от друга ярусов языка. Способы проявления этой бесспорно существующей взаимной зависимости неоднородны. Словарь дает основания для предварительных обобщений и дальнейших размышлений по этой проблеме.

Характеристику каждой синтаксемы можно представить схематически в виде таблицы, в которой формы и значения синтаксем составят вертикальную координату, функции и позиции — горизонтальную. Схема наглядно выявит разнонаправленность взаимодействия этих координат: семантика свободных синтаксем (локативных, темпоративных, директивных, делиберативных и др.) независима от их позиционных возможностей, она заключена в синтаксеме как бы «до предложения» (диагностическим показателем чего и служит типичная для них возможность изолированного употребления); значения обусловленных и связанных синтаксем (субъектных, объектных и др.), напротив, производны от реализуемой ими позиции.

2. Вступая в предложение определенной структуры, синтаксема приобретает статус его компонента. Предложение любого состава и с точки зрения организации и с точки зрения членения может рассматриваться как одна из исчисляемых комбинаций синтаксем.

Таким образом, преодолевая затруднение, в котором оказалась стратификационная концепция языковых уровней, вынужденная констатировать, что между предложением и словом нет отношения целого и части (см., например, [1]). Недостающим звеном системы, частью по отношению к целому — предложению, оказывается не слово-лексема в исходной форме, а слово-синтаксема, или синтаксическая форма слова. Проясняются отношения синтаксемы со словом и предложением, с одной стороны, и отношения синтаксической и морфологической формы слова, с другой: объем понятия и дифференциальные признаки морфологической и синтаксической формы слова (синтаксемы) не совпадают. В пределах одной морфологической формы, как правило, различается ряд омонимичных и полисемичных синтаксем. Понятно, что синтаксемы (1) «о + предл. пад.»

с делиберативным значением и (2) «о + предл.» со значением признакового партитива являются, при морфологическом подобии, структурно-смысловыми омонимиями, они различаются и значением и набором позиционных возможностей, что определяет и их функциональную характеристику:

(1) представляющая тип свободных синтаксем, реализует свои потенции в изолированных позициях заголовка или тематически экспозиционного отрезка текста (I, 1,2. *О вреде табака; О детях; Об очередных задачах* и т. п.): в позиции предиктирующего компонента предложения, при предиктируемом имени информативного значения (II.2. *Рассказ — о детях; Стихи — о любимой; Доклад — о задачах...* и т. п.); в качестве присловного распространителя при глаголах и именах той же семантики (III. 1. *рассказывать о детях; петь о любимой; III. 2. рассказ о детях, песня о любимой* и т. п.);

(2) представляющая тип обусловленных синтаксем, характеризует предмет по количеству его составных частей, либо в предикативной позиции (II. 2. *Всякая вещь о двух концах; Домик был о трех окошках* и т. п.), либо в атрибутивной, приименной (III. 2. *домик о трех окошках, храм о двух шатрах* и т. п.); оттенок устарелости в этой синтаксеме делает ее возможности и лексически и стилистически ограниченными.

Отношения полисемии возникают в пределах делиберативной синтаксемы в позициях III.1. и 2.: помимо распространения глаголов и имен информативного значения, она выступает как распространитель глаголов и имен так называемого «скорбного чувства» (*сетовать, тужить, тосковать, печалиться, грустить, плакать о ком — о чем; тоска, печаль, грусть о ком — о чем* и т. п.). В этом случае объектное значение синтаксемы «о + предл.» осложняется каузативным оттенком, эта же объектно-каузативная синтаксема в свою очередь вступает в синонимические отношения с объектно-каузативной синтаксемой «по + дат.» (*тосковать по дому, по друзьям*). Многообразие конкретных условий проявления полисемии в разных синтаксемах будет импульсом для последующих наблюдений и размышлений.

Естественно, что в синонимические отношения (на основе сходства значений и функций, при различии формы) вступают не морфологическая форма, например, «о + предл.», во всей совокупности объединяемых ею синтаксем, а делиберативная синтаксема «о + предл.» с делиберативной синтаксемой «про + вин.» (*о детях — про детей*), так же как с рядом других делиберативных синтаксем, образуемых с помощью производных предлогов (*насчет детей, по поводу детей, относительно детей* и т. п.). То, что отношения омонимии, полисемии, синонимии, антонимии возникают именно между синтаксемами, а не между падежно-предложными формами вообще, может служить еще одним доказательством объективного существования в системе языка выделенных единиц.

Соотносительность единиц описания обнаруживает системность отношений между ними более наглядно по синтагматической, но, что не менее важно, и по парадигматической оси. Регулярность одних из этих отношений становится явной из самого описания, другие дают стимул для дальнейших исследований.

3. Тройственная характеристика каждой синтаксемы — с точки зрения формы, значения и функции — позволяет более объективно дифференцировать значения падежных форм и семантических групп глаголов. Количество выделяемых единиц (степень дробности деления) — один из самых спорных вопросов семантических классификаций — определяется здесь не произвольно устанавливаемой шкалой обобщения, не интуитивным представлением о типах ситуаций, а синтаксическими условиями употребления.

Функциональный анализ выявляет семантические группировки глаголов (и имен существительных — соотносительных и несоотносительных с глаголами), подтверждая реализацию каждой из них в соответствующих наборах именных распространителей. Внимание к категориально-семантическим характеристикам компонентов позволяет более четко, чем это делалось в ряде описаний и словарей, разграничить типы глаголов — зна-

менательных, способных быть самостоятельными предикатами, и неполнознаменательных, лишь способствующих выполнять эту роль именным признаковым синтаксемам. Ср.:

<i>Дом принадлежит деду</i>	<i>Кит принадлежит к млекопитающим</i> (Ср.: <i>Кит — млекопитающее</i>)
<i>Он бережно относится к книгам</i>	<i>Кит относится к млекопитающим</i> (Ср.: <i>Кит — млекопитающее</i>)
<i>Он теряет ключи</i>	<i>Звуки теряют выразительность</i> (Ср.: <i>Звуки становятся маловыразительными</i>)
<i>Он приобретает картины</i>	<i>Он приобретает уверенность</i> (Ср.: <i>Он становится уверенным в себе</i>).

Предложения, подобные примерам правой колонки, трактуются как представляющие именную квалификативную модель (с вспомогательным глаголом или без него) и как представляющие фазисные модификации качественной модели.

Разграничение именных распространителей по признаку конкретность/абстрактность дает основание различить глагольные словосочетания с предметным именем как средства номинации расчлененного действия, используемые в качестве распространенного предиката глагольной модели, и сочетания с абстрактным именем, служащим, в свою очередь, способом номинализованного представления предикативной единицы, содержащим, таким образом, имплицитную предикативность. Ср.:

<i>Он показывает диагнозы</i>	<i>Стихи показывают бедность его воображения</i> (Ср.: <i>Стихи показывают, что его воображение бедно</i>)
<i>Соседи говорят об огороде</i>	<i>Стихи говорят о бедности его воображения и т. д.</i>

Предложения, подобные примерам правой колонки, трактуются как полипредикативные структуры. Различение характера синтаксических связей в основных моделях и их модификациях, с одной стороны, в монопредикативных и полипредикативных предложениях — с другой, дает возможность представить всю совокупность «простых предложений» русского языка в иерархически организованном порядке.

Вопрос о семантических классификациях, поставленный на синтаксические опоры, позволяет более четко представить проблему типологии самих семантических отношений. Можно вывести из морфологически похожих сочетаний слов *столб из гранита* и *спор из озорства* отношения предмета и его материала в одном случае, действия и его мотивации — в другом. Существенно при этом, что признак по материалу — имманентное свойство предмета, которое может быть констатировано как атрибутивно, в распространенной номинации, словосочетании, так и предикативно, в именной модели предложения; что касается причинно-следственных отношений, то это отношения на другом речемыслительном уровне — между пропозициями, или событиями. Описание синтаксем и семантико-синтаксических условий их реализации ориентирует на корреляцию семантических отношений с разными видами мыслительного процесса, получающими выражение в синтаксических построениях разной сложности.

4. Получены основания уточнить соотношение понятий функции и формы. У Е. Куриловича есть такое утверждение: «Функции языковых форм определяются объемом употребления этих форм» [2]. Мы не располагаем сведениями, предпринимались ли попытки определить понятие «объем употребления форм», но функциональное описание синтаксем готово дать ответ на этот вопрос.

Сумма позиционных возможностей каждой синтаксемы, представленная в Словаре, и характеризует «объем употребления» синтаксемы, или

ее функциональное пространство. Эти данные Словаря могут получить числовое выражение, коэффициент, обычно в пределах от 1 до 10. Так, обусловленная синтаксема от личного имени в дательном со значением субъекта состояния (*Саше не спится, но весело ей*) употребляется только в качестве преддицируемого компонента модели, другие позиции ей не свойственны. Эта синтаксема получит коэффициент 1 (или 3, если считать разными позиции одноименной субъектной формы при разных предикатах: *Саше не спится, Ей весело, Ей пора встать*). Равным единице будет и функциональный коэффициент связанной синтаксемы винительного объекта действия: у этой синтаксемы единственный способ включаться в связную речь — при переходном глаголе.

Равен двум коэффициент у ряда обусловленных синтаксем признакового значения: синтаксемы «из-под + род.», характеризующей предикативно или атрибутивно предмет — вместилище по бывшему содержимому (*Эта бутылка — из-под кефира; бутылка из-под кефира*), упомянутых выше синтаксем признакового партитива «о + вин.» (*Стул — о трех ногах; стул о трех ногах*), фабрикатива («из + род.», характеризующего предмет по материалу (*Столб — из гранита; столб из гранита*)).

Полный набор из 10 основных позиций, дополненный грамматическими вариантами моделей, дают почти все локативные синтаксемы, приведем схематические примеры функционирования локатива «над(надо) + твор.»:

I. В заголовках: *Над ручьем; Над водопадом.*

II. 1. В преддицируемом компоненте предложения: *Над камином — зеркало; Над землей темно; Над равниной побелело;*

II.2. В преддицирующем компоненте: *Мы — над кратером; Дом — над обрывом;*

II.3. Распространитель модели предложения: *Над цветами жужжат пчелы;*

II.4. Компонент каузативно осложненной модели: *Он поставил дом над обрывом.*

III.1. Приглагольный распространитель: *стоять над рекой;*

1. а. с транзитивным (пути движения) оттенком: *лететь над волнами;*

III.2. Приименной распространитель: *восход над морем; небо над горами-зонтом.*

Коэффициент локатива «над + твор.» можно считать равным 11.

Состав и количество занимаемых синтаксемой позиций определяют объем и способы ее употребления в языке. Любые подсчеты частотности тех или иных форм недостаточно достоверны, не будучи соотнесены с функциональным коэффициентом. Основания исчисления его могут быть детализированы, но в принципе они обусловлены функционально-типологическим характером синтаксемы.

5. Исследование конститутивных единиц русского синтаксиса подтвердило мысль В. В. Виноградова о том, что имена существительные служат в русском языке «опорой большей части синтаксических конструкций» [3]. Именные, а не глагольные синтаксемы оказались главным ключом к синтаксическому механизму русского языка. Описание субстантивных синтаксем составило основную часть Словаря. Известно, что в лексикографии принято фиксировать сочетаемость слов через глагол, от глагола. Однако квалификация валентностных свойств глагола минует особенности безглагольных конструкций, нивелирует разнообразие функциональных возможностей именных синтаксем, не сводимых к зависимости от глагола, наконец, не отражает и многих глагольных конструкций, не укладывающихся в рамки глагольного «управления»; ср., например, несоотнесительность с глагольными словосочетаниями структур типа примеров правой колонки, в отличие от левой:

Наловил птиц
(наловиший птиц,
наловив птиц,
налови птиц...)

Птиц налетело
(*налетевший птиц,
*налетев птиц,
*налетит птиц...)

Привезла **раненого**,
 (привезшая раненого,
 привези раненого...)
 Читать **раненому**
 (читаю кому...,
 читают кому...)
 Счет подписывается **черни-**
лами
 (подписывать чернилами,
 подписывайте чернилами...)
 Ветром сорвало **крышу**
 (сорвать крышу,
 сорвав крышу...)

Раненого лихорадит
 (* лихорадивший раненого,
 * лихорадь раненого...)
 Вам **выходить**
 (* выхожу кому,
 * выходят кому...)
 Счет подписывается **контро-**
лером
 (* подписывать контролером,
 * подписывайте контролером...)
 Ветром сорвало **крышу**
 (* сорвать ветром,
 * сорвав ветром...).

Очевидно, что одноименные падежные формы существительных в соотнесенных парах примеров представляют разные синтаксемы, находящиеся в разных отношениях с глаголом (так же, как в последнем примере различны отношения с глаголом разноименных форм).

Путь от именных синтаксем, с характеристиками соответствующих глаголов в необходимых случаях, дал возможность полнее представить состав и безглагольных и глагольных моделей русского предложения.

Вследствие такого положения вещей глагольная часть Словаря получила отраженный характер, повторяющий закономерности, установленные в именной части. Глагольные сочетания в Словаре даны дважды: сгруппированными в структурно-семантические разряды, в порядке, соотнесенном с расположением соответствующих субстантивных синтаксем (с индексами, отсылающими к их, более подробной, квалификации), и в алфавитном порядке.

Глагольные сочетания сами по себе представляют различные типы по характеру взаимной связи с именной синтаксемой, что частично выразилось и в используемых терминах: глагольным словосочетанием называется сочетание глагола со связанной синтаксемой, типа В, глагольными сочетаниями — сочетания с синтаксемами свободными, типа А, и обусловленными, типа Б. Особую разновидность сочетаний составляют сочетания именных синтаксем с неполнозначными (фазисными, модальными и вспомогательными) глаголами.

Наблюдения над собственными возможностями субстантивных форм позволили установить, что большинство сочетаний глаголов с именами строится не на основе управления, глагольного «требования», а на основе с и н с е м и ч н о с т и, взаимной готовности обеих сторон к соединению, при наличии общих сем. Круг собственно управляемых, связанных, синтаксем, отражающих индивидуальную лексическую сочетаемость, оказался минимальным.

Сочетаемость, таким образом, предстает в Словаре не как лексическая, а как семантико-грамматическая проблема, устремленная к выявлению обобщающих закономерностей синтаксических связей.

6. Функциональная классификация синтаксем дает ответы на ряд центральных вопросов теории предложения: о предикативном минимуме предложения, о возможностях и способах выражения главных компонентов различных моделей русского предложения, о возможностях и способах распространения моделей, о характере и степени присловной связи. Ряд нерешенных синтаксических проблем: проблема субъекта предложения, проблема «детерминантов», проблема сильного и слабого управления и др. — своим затянувшимся существованием обязан тому, что наблюдались следствия, а причины еще не были выявлены. Эти причины — в наличии системных семантико-синтаксических потенциалов у синтаксем определенных функциональных типов.

Последовательное описание моделей как результата реализации потенциалов предназначенных для их построения синтаксем подтверждает тезис о принципиальной двусоставности русского предложения. В этом тезисе, как в фокусе, сходятся логико-философские, гносеологические предпо-

сылки и языковые данные: отображающий разные виды отношений действительности речемыслительный акт, претворяющийся в предложении, заключается в предикативном (в плане модальности, времени и лица) отнесении признака к предмету, его носителю. Именованное предмета само по себе или именованное признака, не приписываемого ничему, не составляя содержания предложения.

Выделение односоставных предложений было исторически прогрессивным шагом в упорядочении синтаксических конструкций на том этапе синтаксической теории, когда она

а) не преодолела морфологического ограничения, наложенного на представления о способах выражения предиктируемого (подлежащего); в силу этого синтаксически не оправданного ограничения за односоставные принимались предложения с обязательным субъектным компонентом (предиктируемым), выраженным определенными формами косвенных падежей, ср.: *Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя..* (Пушкин); *Мне грустно потому, что я тебя люблю..* (Лермонтов); *Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлетя* (Тургенев); *Нас много, мы играем, нам весело* (Л. Толстой); *Свет не без добрых людей* (Посл.) — *Не без добрых душ на свете* (Некрасов); *Плачет где-то иволга, сгораясь в дупло, Только мне не плачется — на душе светло* (Есенин); *У кого — канарейка, у кого — роялина, кто со шкафом, кто с утюгом...* (Маяковский);

б) не разграничивала язык и речь; в результате этого неразграничения за односоставные принимались речевые реализации двусоставных языковых моделей с контекстным или ситуативным эллипсисом предиктируемого компонента (подлежащего): в силу присущей речи ситуативности (актуализованности категорий «я — здесь — сейчас») и сопротивления избыточности этот компонент часто оказывается избыточным, хотя место и способы его выражения остаются фиксированными. Лингвисту нашего времени понятно, что если лирический герой говорит о себе в одном случае «*Мне грустно, потому что я тебя люблю...*», а в другом «*И скучно, и грустно! и некому руку подать В минуту душевной невзгоды...*» (Лермонтов), используется одна и та же двусоставная модель, сообщающая о состоянии субъекта, но в первом примере — в полной речевой реализации, во втором — в неполной, с опущенным именем субъекта в дательном. Именованное предикативно характеризуемого места или времени также может либо присутствовать в тексте, либо быть опущенным в силу очевидности его. Ср. примеры: *Что здесь у вас за край? То холодно, то очень жарко...* (Крылов); *Сад маленький, но чего тут не было? Кофейные деревья, бананы, ананасы, множество цветов* (Гончаров); *Не слышен здесь житейский шум, И рохлада, тишина и полусумрак...* (Некрасов); [Астров] *Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит* (Чехов); *И кругом — ни звука!* (Горький); *Ни звука, ни шороха* (Серафимович); *В этот час было совсем тихо, — ни шагов, ни звуков копыт* (А. Н. Толстой); *Двенадцать... Сейчас, наверно, Прошел он через посты. Час... Сейчас он добрался к подножию высоты. Два... Он теперь, должно быть, Ползет на самый хребет. Три...* (Симонов).

Полученные в Словаре перечни моделей выявляют регулярные способы выражения предиктируемого компонента русских предложений разных типов: обусловленные синтаксемы со значением личного субъекта предиктируемого признака (*Он в тревоге; У него озноб; Ему весело; Его знобит; С ним обморок; В нем недоброга и недоверчивость* и т. п.), свободные синтаксемы с локативным значением, некоторые темпоративные в предложениях, предикативно характеризующих неличный субъект — называемое место или время (*За окном [на дворе, на улице] мороз [морозно, морозит]; Над равниной побелело [месяц, туманно]; На солнышке тепло [припекает, капель]; В лесу сумрак [сумрачно, смеркается] и т. п.; Восьмого марта — Международный женский день; Сейчас — полночь и т. п.*); отвлеченные имена и инфинитив во вторичных, полипредикативных моделях — с иным набором предикативных признаков; особые формы выражения главных компонентов закреплены за экспрессивно-модальными модификациями

предложений. Диалектическая противопоставленность в предикативном единстве предметного и признакового содержания в разной степени абстракции от конкретного — вот структурно-семантическая основа предикативного минимума (модели) предложения и вместе с тем основание для иерархической классификации моделей по типам отображаемых внеязыковых отношений, в их соотношенности с соответствующими языковыми средствами и ступенями логико-мыслительного процесса осмысления действительности.

Что касается «детерминантов», или распространителей предикативного минимума предложения, существование которых как особого синтаксического явления было отмечено еще А. Х. Востоковым, позже Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым и терминологизировано Н. Ю. Шведовой, следует сказать, что множественность обсуждавшихся в литературе их признаков, или критериев опознания, необязательных в совокупности, лишь частично применимых в разных случаях, свидетельствует сама по себе о принципиальной неоднородности наблюдаемого объекта, рамки которого оказались неправомерно расширенными. Дискуссия о детерминантах может идти далее либо путем наращивания как перечней детерминантов, так и их факультативных признаков, либо путем дифференциации материала с иной точки отсчета.

Действительно, изучение функциональных потенций именных синтаксем показывает, что роль распространителей предложения свойственна только свободным и обусловленным синтаксемам, но не связанным, которые не способны разорвать присловную связь (речь не идет, конечно, о случаях эллипсиса). В примерах типа *Старика забыли*, *Лодку унесло ветром* имя в винительном остается объектным присловным распространителем переходного глагола, вынесенным в препозицию требованиями организации текста (актуальным членением). То, что детерминантами, т. е. распространителями предложения, считают «основные семантические компоненты предложения — субъект, объект»..., выражаемые формами косвенных падежей (*Ему весело*; *У него бодрое настроение*; *С женщиной беда*; *За ним долг*; *Сыну год*; *Старику нездоровится*; *У отца три сына*; *От мурьев польза*; *С сердцем плохо*; *На уме — развлечения*; *В ребенке нет зла* и т. п.), можно объяснить только как результат наложения привычных падежных критериев членов предложения на реальные структуры. В итоге механически обесмысливается понятие предложения, насильственно разделяемого между «двумя уровнями анализа». «И устарела старина, И старым бредит новизна», — сказано о подобных ситуациях у Пушкина. Думается, что задача дальнейшего изучения распространителей предложения — не столько в распределении их по разрядам обстоятельств, сколько в дифференциации характера их отношений с распространяемым целым: существенно различна связь, допустим, между действием и локальной его характеристикой, с одной стороны, и между действием и его причиной, следствием, условием — с другой: в первом случае связь поддается непосредственному наблюдению, во втором конструируется в результате логической операции в сознании субъекта речи. Эти различия ставят соответствующие конструкции в разные парадигматические ряды в системе синтаксических средств.

В заключение можно добавить, что представленная в Словаре грамматическая концепция оснащена обширными материалами из источников разных жанров — от Пушкина до газет последних дней, это делает ее открытой к критическому восприятию, что, в свою очередь, может способствовать дальнейшему совершенствованию синтаксических воззрений, дальнейшему осмыслению принципов и закономерностей синтаксической системы в теоретических и практических целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 133.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 131.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947, с. 177.